

Аннинский Лев

(14/11) 04.04.
(1 апр.)

Экран и сцена - 2004 - апр (14) - 63

Виновник торжества

Льву Аннинскому — 70

“Уважаемый Лев Александрович!

Выпросил я прочитать на день Ваше “Лесковское ожерелье”. И пишу Вам, а писать автору книги неудобно. Человек работает же, до писем ли ему. Да если ты еще не критик, не литературовед, а читатель просто, то прочел книгу и понимай ее себе наедине. Автор-то все сказал в книге. В письме, что думаешь, выразить трудно, а что чувствуешь, совсем тяжко. Ошибок еще куча будет — стыдно.

Но пишу. Как на деревню дедушке. Дойдет ли письмо?

С Лесковым познакомил меня дедушка. В детстве. В блокированном Ленинграде, когда не стало света и тепла, мы с ним лежали вдвоем почти месяц в кровати. Пока дедушка умирал, а умирал он долго, то в темноте по памяти пересказал мне много книг. И Лескова он рассказал — “Запечатленный ангел” и “Тупейный художник”. Названий этих рассказов я не запомнил, но автора помнил и, читая, узнал их.

Лет пять назад приобрел я одиннадцатитомник Лескова, читаю и перечитываю. От этого жить легче.

Вашу книгу я просмотрел только, ведь за один день беглого чтения ее нельзя серьезно понять, почувствовать. Но даже этот один день шапочного знакомства с Вашей книгой высветил мне, что Лескова раньше я любил, но не понимал.

Книга Ваша горькая, как полынь.

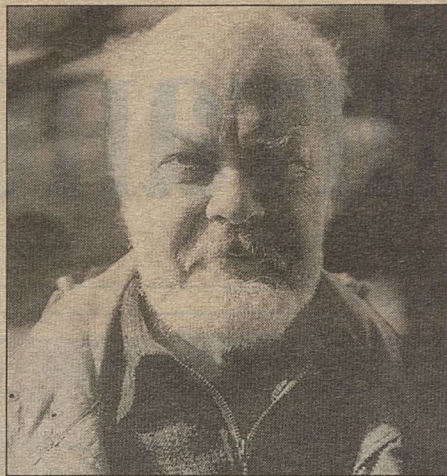
Глава “Воскрешение “Тупейного художника” — страшная. То, как уродовали издатели “Тупейного художника”, — вандализм. Впрочем, я помню издание романа “Дети капитана Гранта”, в котором лорд Гленарван заменялся просто “Гленарваном”...

За шестьдесят лет Советская власть научила множество людей уважать себя как личность. Но есть все же категория людей, которую возмущает и удивляет человек, уважающий себя, имеющий чувство собственного достоинства, и эта категория людей не знает, что же ей делать с таким неудобным человеком...

На странице 187 Вы печально, с горечью пишете: “...но кто теперь вспоминает и этот пассаж Волынского о “Тупейном художнике”, и самого Акима Волынского?”

Не печальтесь. “Пассаж” помнили Вы, а благодаря Вам, узнают многие. Слово — птица вольная, далеко летящая, ежели оно в настоящей книге. Сколько угодно “наблюдай”, а оно летит...”

Это фрагмент письма, которое пришло к Льву Александровичу Аннинскому по поводу первого издания его книги “Лесковское ожерелье”. Оно опубликовано в предисловии ко второму изданию, там же — комментарий автора книги: “Мне кажется, вы поймете, почему мне захотелось это письмо обнародовать, сначала в журнале “Литературное обозрение”, а теперь здесь. Отнюдь не потому, что там дается “положительная оценка” моей книги. Это письмо такое, что из него самого яс-

но, почему его хочется показать всем. Оно получено от совершенно незнакомо-го мне человека. Но могу твердо сказать: имея такого читателя, можно с надеждой смотреть в будущее. Разумея будущее русской культуры. И ее прошлое. И ее память. И то, как люди умеют хранить эту культуру даже в блокадных условиях. Когда нет “света и тепла”. Но есть другой свет и другое тепло... Впрочем, зачем я объясняю это?”

Нам кажется, вы поймете, почему нам захотелось все это процитировать. Не каждому автору выпадает счастье прочесть такие слова о своей работе. Аннинскому выпало. По праву. “Лесковское ожерелье” — книга редкостная. Впрочем, и сам Лев Александрович — автор редкостный. Что бы он ни писал — рецензию на спектакль или рецензию на фильм, литературоведческую статью или книгу о кинематографе 60-х — все основательно, с пониманием, знанием, чувствованием материала. Он вообще знаток — русской литературы особенно. Он ее кропотливый исследователь, хранитель.

Почти с самых первых номеров Лев Аннинский был одним из самых желанных авторов “Экрана и сцены”. Он был из тех ее создателей, кто формировал в сознании читателя репутацию издания. Ибо все, что выходило из-под его пера, было не газетной однодневкой, а не имеющим срока посланием тем, кто хочет размышлять о скрещениих и отторжениях сущего, видимого и мнимого, кто хочет узнать или сверить не просто оценку того или иного события в мире культуры, а проникнуть в его суть. Что-то, а суть Аннинский чувствует безошибочно. Ничего никому не навязывая, он тем не менее властно вовлекает в ход своей мысли. Тем более, что стержень его книг, статей и даже мимолетных заметок — это всегда блистательное соединение ума и воздушно легкого искрометного стиля. Он не умеет писать неинтересно. Как и говорить, впрочем. В этом с упоением убедился тот, кто слушал и слушает его рассказы о поэзии Серебряного века в телепрограмме “Серебро и чернь” на канале “Культура”.

Редакция “ЭС”